

Формирование концепции «экономика знаний» в документах ОЭСР (1990–2020 гг.)

В.И. Коннов¹, Д.А. Талагаева¹

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается история формирования и изменений понятия «экономика знаний» как пример выхода работы учёных в поле международной политики, разворачивающейся в пределах организаций, которые обладают одновременно международно-правовым и научным статусом. Как пример такой организации рассматривается ОЭСР, сложившаяся как интеллектуальный центр, разработки которого обладают значимым влиянием в формировании национальной экономической политики для широкого спектра стран, в том числе не состоящих в самой организации. Проработка концепции экономики знаний в ОЭСР оценивается через призму, с одной стороны, международной политической экономии, с другой – интеллектуальной истории. Подход международной политической экономии представлен в настоящем исследовании преимущественно её неограмшианским ответвлением и нацелен на определение роли экономики знаний в контексте балансировки интересов различных групп, обладающих политическим и экономическим влиянием. В свою очередь, подход интеллектуальной истории нацелен на установление роли этой концепции в продвижении интеллектуальных интересов развивавшего её сообщества учёных. Взгляд с этих позиций на путь, который проделала экономика знаний в ОЭСР с момента своего появления в обороте организации в начале 1990-х гг. и до настоящего времени, позволяет охарактеризовать его как замкнувшийся цикл. Исходно, опираясь на новую теорию роста, экономика знаний предлагала картину, в которой возможен устойчиво интенсивный непромышленный рост, ключевой предпосылкой которого становится развитие электронного сектора экономики, тесно связанного с академическим сообществом. Эта связка может рассматриваться как основа «исторического блока», сложившегося в результате перехода экономик стран ОЭСР в постиндустриальное состояние и получившего возможность оказывать существенное влияние на политику этих стран, а концепция экономики знаний, продвигаемая в ОЭСР, как выражение интересов этого блока. Как отражение роста его влияния может расцениваться отчётливо наблюдаемая в документах ОЭСР 2000-х гг. нацеленность на распространение опыта электронного сектора, продемонстрировавшего способность

УДК 327:330.34:061.1ОЭСР"1990/2020"

Поступила в редакцию: 25.10.2023 г.

Принята к публикации: 15.01.2024 г.

предельно быстрого перехода от научно-исследовательских результатов к коммерческим продуктам, на другие отрасли экономики. Однако поле применения этого опыта оказалось не настолько широким, насколько это представлялось на ранних этапах продвижения экономики знаний, о чём свидетельствует её постепенное вытеснение из документов ОЭСР 2010-х гг. представлениями непосредственно о цифровой экономике.

Ключевые слова: экономика знаний, новая теория роста, ОЭСР, интеллектуальная история, международная политическая экономия

На сегодняшний день экономика знаний – это своего рода фоновое представление о современной экономической жизни. Пик популярности этого термина пришёлся на конец 1990-х гг., но и сейчас он не вышел из оборота, сохраняясь в общественном представлении как некое желанное состояние: экономика знаний вызывает ассоциации с элегантностью экономического устройства, когда доходы приносят не замазанные нефтяные вышки и коптящие небо заводы, а комфортабельные офисы, в которых одетые с изящной небрежностью люди создают некие «решения»: дизайнерские, программные, финансовые или какие-нибудь ещё. Преимущества такого «производства» кажутся очевидными: природные ресурсы не расходуются, среда не загрязняется, а деньги делаются практически из воздуха в то время, как граждане получают работу с возможностью «саморазвития».

Страны, в которых обладающие таким имиджем предприятия составляют значимую долю экономики, воспринимаются как развитые. И в качестве представляющего их как класс международного объединения выступает Организация экономического сотрудничества и развития, представляющая те экономики мира, которые на протяжении последних трёх десятилетий принято было относить к передовым. Ведущую роль в ОЭСР, заменившей в 1961 г. Организацию по экономическому сотрудничеству в Европе, которая была создана для координации плана Маршалла, исходно играли США, и именно к ним ведут истоки концепции экономики знаний. Своим же распространением эта концепция во многом обязана международному влиянию ОЭСР, превратившейся в 1990-е гг. в наиболее влиятельный мировой интеллектуальный центр по вопросам экономической политики. Официальной целью разработок организации заявляется стремление найти и распространить модели, способные обеспечить общее благополучие. Вероятно, людям, работающим в международных организациях, действительно присущ определённый альтруизм, но рассматривать его как единственный мотив деятельности этих организаций, вряд ли оправданно.

На обнаружение иных мотивов, нежели те, которые официально заявляются, по сути, нацелена исследовательская дисциплина международной политической экономии, сосредоточенная на взаимном влиянии международных

политических институтов и экономических интересов (Афонцев 2010; Oatley 2018). Заметное место в развитии этой дисциплины занимает неограмшианский анализ, разрабатываемый «британской школой» (Сох 2009) и основывающийся на использовании для описания политического, экономического и культурного аспектов международных отношений системы социально-политических категорий, которая была создана марксистским мыслителем Антонио Грамши. Центральное место среди этих категорий занимает «исторический блок», по сути, объединение общественных классов, создаваемое на основе компромиссов. Важной особенностью неограмшианского подхода является то, что в его рамках идеология как «самоочевидное» для данного исторического момента описание политэкономических отношений в обществе выступает именно в качестве отражения этой системы компромиссов, а не только в качестве проводника интересов правящего класса. Одновременно принимается во внимание, что, как и «правлящий класс» у марксистов, «исторический блок» – это образование, не ограниченное национальными границами, и образующие его интересы вполне могут простираются поверх государственных границ.

Рассмотрение концепции экономики знаний с этих позиций вполне может дать ответы на вопросы о том, какие интересы вывели её на первый план в 1990–2000-е гг. и почему эта идея сохраняет влияние. Фокус же на проработке экономики знаний в документах ОЭСР позволяет оценить эту концепцию в кристаллизованном готовом для политического употребления виде.

С точки зрения неограмшианского подхода, активно используемого в политэкономическом анализе различных направлений международной деятельности (McNally 2017; Pass 2018; Жорнист и др. 2022), попытка придать экономике знаний статус универсальной концепции вполне может расцениваться как часть проекта создания «исторического блока» – объединения социальных групп, основанного на системе компромиссов с доминирующей группой. Исторический блок может играть прогрессивную роль, особенно в период его формирования, когда класс, контролирующий новые технологии, которые позволяют ему претендовать на политическое влияние, закрепляет своё положение в том числе за счёт уступок другим группам, в результате расширяющим доступ к увеличивающейся благодаря развитию технологий сумме благ. На этом этапе идеология, которую формирует блок, может быть конструктивной в том смысле, что её закрепление в качестве самоочевидных представлений, в качестве «здорового смысла», хотя и служит проведению в жизнь намерений класса, возглавляющего блок, но при этом работает и на интересы других вовлечённых в него групп. Но когда экономическая производительность технологий падает и, соответственно, размывается материальная база блока, идеология начинает ставиться под сомнение и осознаваться, собственно, как идеология. Попытки отстаивать её начинают ассоциироваться с сохранением приоритетного положения за классом, который уже теряет контроль над технологиями, обеспечивавшими его влияние.

Конечно, история проработки экономики знаний в ОЭСР открывает лишь ограниченную перспективу на политэкономические процессы такого рода. Но, по крайней мере, она может дать представление о ключевых группах, двигавших эти процессы в 1990–2010-е гг. Резкий рост экономического влияния приходится в этот период на электронный сектор. Через научно-технический комплекс он исходно связан с научным сообществом, проводниками политического влияния которого, в свою очередь, служат экспертные институты, работающие в политическом поле (Талагаева 2017). ОЭСР же, позиционируемый, в первую очередь, как экспертный центр по экономической политике, выступает, таким образом, одним из наиболее влиятельных международных институтов такого рода. При этом особенность ОЭСР заключается в том, что она представляет собой организационное ядро, вокруг которого складывается международное сообщество экономистов, задающих концептуальные ориентиры экономической политике западных стран (Schmelzer 2014), и как таковое довольно точно подпадает под понятие эпистемического сообщества, введённого в научный оборот П. Хаасом (Haas 2015). Хотя ОЭСР не имеет полномочий принимать решения, обязательные для стран-членов, её документы обладают влиянием в качестве образцов, соответствие которым расценивается как подтверждение статуса «развитой страны». Внутри организации главную роль в подготовке этих документов играет секретариат, который формируется на профессиональной основе: его сотрудники не считаются представителями своих стран и отбираются исходя из их профессионального опыта. И, поскольку ОЭСР позиционируется в первую очередь как интеллектуальный центр, важным критерием отбора является репутация кандидатов в научной сфере. При этом нужно учитывать, что в организации преобладают экономисты – специальность, которая отличается наиболее тесной связью между «теорией» и «практикой» и наиболее частыми перемещениями кадров между административной и научной работой. И ОЭСР в этом смысле можно рассматривать именно как институт экономической «экспертотократии», функционирующий на международном уровне.

Влияние складывающегося вокруг ОЭСР эпистемического сообщества распространяется на правительственные экономические ведомства, университеты и исследовательские институты, и уже в силу этого организация может служить международному продвижению интересов блока, которые находят выражение в концепции экономики знаний. Характер этого блока, в котором составляющие его группы чаще всего исходно связаны между собой участием в научно-техническом комплексе, раскрывается в концепции академического капитализма (Slaughter, Rhoades 2009; Münch 2014). Очерчивая изменения в университетах 1990–2000-х гг., её авторы указывают на то, что внутри университетов лидирующие позиции приобрели учёные, наиболее тесно связанные с коммерческим сектором и нацеленные главным образом на коммерциализацию знания. Со стороны естественных и точных наук в эту группу входят прежде всего специалисты по компьютерным технологиям, а также по биотехнологиям

и из ряда других прикладных направлений. Со стороны гуманитарных – в первую очередь, экономисты, но также и социологи, политологи и другие специалисты, вовлечённые в идейное обоснование работающих на интересы блока концепций информационного общества, инновационной экономики, человеческого капитала и занявшей центральное место в 1990-е гг. экономики знаний.

Важно заметить, что анализ исключительно с позиций международной политэкономии не всегда может прояснить истоки происхождения научных концепций, для чего может требоваться обращение к их собственно научной предыстории. Важным дополнением теоретико-методологической рамки может служить подход интеллектуальной истории в версии «кембриджской школы» (Кембриджская школа 2018; Skinner 2002). Её сторонники видят своей задачей анализ высказываний в качестве социальных действий, причём высказывания, которые позиционируются как научные, не считаются исключением. Особенность этого подхода заключается в том, что приоритет в таких объяснениях отдаётся положению высказывания в интеллектуальном дискурсивном поле, в котором оно изначально появилось. Таким образом, концепция экономики знаний в ОЭСР оценивается в статье через призму, с одной стороны, международной политической экономии, с другой – интеллектуальной истории. Первая стремится к определению её роли в контексте взаимного влияния политики и экономики, последняя нацелена на установление роли этой концепции в продвижении интеллектуальных интересов развивавших её сообщества учёных.

ОЭСР как политэкономический институт

Как отмечает историк ОЭСР Р. Вудвард, авторитет, которым ОЭСР пользуется в мире, происходит из двух источников: высокой квалификации сотрудников и статуса организации «как самопровозглашенного клуба "ведущих", "передовых" или "современных" государств», которые «представляют золотой стандарт для стран, считающих себя частью этого сообщества» (Woodward 2022: 83). И «так как ОЭСР не имеет полномочий непосредственно применять санкции или меры обеспечения, она использует механизмы отслеживания, которые дают информацию о деятельности государств по исполнению данных ими обещаний» (Woodward 2022: 86). Главный инструмент воздействия на «не исполняющих обещания» – процедура оценки, которая включает в том числе «проработку» представителей оцениваемых стран на собраниях, организуемых ОЭСР. И последствия отрицательной оценки не сводятся к порции неприятной критики. Это могут быть репутационные издержки, способные, в частности, отрицательно сказаться на деловом климате в стране. Также нужно учитывать, что стандарты ОЭСР разрабатываются при участии других международных объединений, а затем внедряются в их оборот – к таковым относятся в том числе ВТО и ЕС, обладающие вполне реальными полномочиями требовать от своих

участников соблюдения устанавливаемых ими норм (Талагаева 2018). В этой связи можно заметить, что ОЭСР обладает наибольшим влиянием на страны, заявившие о намерении вступить в организацию, которое чаще всего совпадает с планами присоединиться и к другим объединениям. Процедура же присоединения к ОЭСР – многоступенчатая, и на кандидатов можно влиять не только перспективой положительного или отрицательного решения, но и передвигая их между ступенями, а также тем, что замечания ОЭСР могут сказаться на их отношениях с другими международными институтами.

Таким образом, положение ОЭСР как экспертного центра даёт ей существенную меру влияния на правительства стран, находящихся в её орбите. Соответственно, возникает важный вопрос: в чьих интересах осуществляется это влияние? Вполне обоснованным выглядит позиционирование ОЭСР как проводника американской гегемонии – в пользу этого говорит уже то, что США являются главным донором организации, на долю которого долгое время приходилась четверть всего бюджета (Woodward 2022). Финансовое влияние наглядно трансформируется в кадровое: граждане США определённо доминировали среди руководителей подразделений ОЭСР (Woodward 2022: 63) и, естественно, ни одно важное назначение не могло состояться без одобрения с их стороны. При этом в аппаратном смысле ОЭСР обладает определённой автономией от правительств стран-доноров, и в его истории есть примеры существенных разногласий в том числе и с внешнеполитическим аппаратом США, в частности в период администрации Рейгана, нелиберальный экономический курс которой противоречил экономической программе, развиваемой ОЭСР (Clifton, Diez-Fuentes 2011).

Тем не менее случаи открытых противоречий с США в истории ОЭСР отсутствуют. И в этом смысле связь организации со своей главной страной-донором работает не столько через административные механизмы, сколько через принадлежность сотрудников ОЭСР к международному экономическому истеблишменту, центром которого являются США. Для людей, делающих карьеру внутри этого истеблишмента, ОЭСР выступает учреждением, стоящим в одном ряду с ведущими американскими университетами, исследовательскими центрами, инвестиционными банками или расположенными в США Международным валютным фондом и Всемирным банком. И хотя интересы этой группы напрямую связаны с «американской гегемонией» (Pass 2019), это не означает безусловной поддержки американской политики с их стороны. Период президентства Дональда Трампа и последовавший после 2020 г. острый внутривнутриполитический конфликт в США ярко показали, что приписывать США некую монолитную позицию по вопросу современного мироустройства не оправдано. Однако в то же время эти события продемонстрировали, что большинство образованной бюрократии, смыкающейся с научным сообществом, выступает на стороне этого мироустройства и готовы противодействовать попыткам его пересмотра.

С точки зрения социальных характеристик сотрудники ОЭСР совпадают с этой группой, точнее сказать, с её высшей стратой: это высокообразованные эксперты, в подавляющем большинстве экономисты, интегрированные одновременно и в административную элиту, и в академическое сообщество. Такой характер кадров сложился ещё при предшественнице ОЭСР – Организации по экономическому сотрудничеству в Европе. Послевоенный период характеризовался высоким уровнем доверия учёным, и это доверие распространялось на экономическую науку, на тот момент преимущественно кейнсианскую по своему содержанию. Практическим следствием кейнсианства, подведившего научное обоснование под конкретные инструменты регулирования экономики, было тесное сближение государственной бюрократии и сообщества экономистов, поэтому неудивительно, что в осуществление крупнейшей зарубежной экономической операции США были изначально вовлечены высокообразованные экономические кадры.

ОЭСР унаследовала эти кадры, как и кейнсианский взгляд на экономику. Этот подход, который исходил из того, что государство может и должно регулировать макроэкономические процессы, изымая значительную часть общественного благосостояния через налогообложение и перераспределяя её в форме субсидий, был возможен в условиях доверия к экономической компетентности правительств. В значительной мере это доверие предопределялось благоприятной экономической конъюнктурой послевоенного периода, которая характеризовалась высокими темпами роста и низкой безработицей.

Исследователи, связанные с ОЭСР, считают, что этот период закончился в 1973 г.: знаковым событием стал отказ США, столкнувшихся с глубоким экономическим кризисом, от золотого обеспечения доллара¹. Это было отчётливым сигналом изменения мировой конъюнктуры, которая стала заметно менее благоприятной для стран, объединённых в ОЭСР. Неспособность правительств вернуть былые темпы роста вела к падению доверия к экономистам кейнсианского толка. И в этот период внутри самой экономической науки складывается сильное оппозиционное течение кейнсианству, ставшее известным как неолиберализм.

Неолиберализм, главными выразителями которого стали Милтон Фридман и Фридрих Хайек, был своего рода протестантским движением, требовавшим передать власть над экономикой от экономистов непосредственным участникам экономической жизни – предпринимателям. Понятно, что бюрократические структуры, которые неолибералы считали нужным сократить или даже упразднить, были заведомо против такого подхода. ОЭСР как бюрократическая по своему характеру организация также оказывала сопротивление стремлению изменить её задачи в соответствии с новым видением. Напряжение стало осо-

¹ Perspectives on Global Development: Shifting Wealth. 2010. *OECD*. OECD: Paris.

бенно заметным в 1980-е гг., когда к власти в Великобритании и США пришли убеждённые сторонники неолиберального курса Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган. Для ОЭСР этот период был отмечен усилившимся давлением со стороны США, стремившихся вынудить ОЭСР проводить в жизнь выгодные им решения, что могло разрушить сложившийся в организации баланс интересов (Clifton, Diaz-Fuentes 2011). В 1990-е гг., несмотря на смену курса в США, сложный период для ОЭСР не закончился: по итогам завершения Холодной войны, экономическая победа в которой приписывалась именно неолибералам, всерьёз ставился вопрос о целесообразности продолжения деятельности ОЭСР – по сути, института, представлявшего капиталистические страны, – в условиях, когда мировая оппозиция капитализму фактически сошла на нет.

Однако в 1990-е гг. был достигнут определённый баланс между интересами бюрократии и претензиями частного сектора, которые отражала неолиберальная экономическая политика. Этот компромисс выразился в идеях «третьего пути», заявленного социологом Энтони Гидденсом: роль бюрократии здесь обозначалась как всестороннее продвижение рыночных механизмов, которые, как считалось, доказали свою эффективность, а предпринимателям предписывалась взять на себя социальную ответственность за своих сотрудников, потребителей и в целом за последствия своих действий (Giddens 1998). Эти идеи стали программными для партий социал-демократического толка, пришедших в 1990-е к власти во всех ведущих странах Запада.

Научной же базой программы «третьего пути» служила новая теория роста, ассоциирующаяся, в первую очередь, с американским экономистом Полом Ромером. Долгое время главной трудностью в решении проблемы экономического роста признавалось то, что технологии как источник роста не получалось включить в функции, которыми пользовались экономисты. Ситуация была для них откровенно неловкой: все хоть как-то приближенные к реальности попытки смоделировать рост должны были учитывать технологическое развитие, но это развитие никак не удавалось описать на языке экономических моделей. Эта ситуация отразилась в известном «остатке Солоу» – условном вкладе технологий в экономический рост (около 90%), остающемся за пределами функции экономического роста, которая выводится из показателей капитала и труда (Solow 1957). Новация Ромера же заключалась в том, чтобы описать технологическое развитие не как экзогенную переменную, определяющую производительность труда, а как составляющую роста прибыли на капитал. Такой подход прямо противоречил одному из ключевых положений неоклассической экономической теории, которой придерживался Ромер: движение рынка к равновесию сопровождается сокращением прибыли на капитал. И в качестве основания для пересмотра этого положения Ромер указывал на инновационную деятельность, представляющую собой экономическую реализацию нового знания, которое характеризовалось им как практически неограниченный ресурс – по его словам, «используемая здесь спецификация, при которой возможен неограни-

ченный рост с сохранением постоянного темпа, допускается, так как история современного периода не даёт никаких доводов в пользу тезиса о сокращении возможностей для исследований» (Romer 1990: 84).

Основанием для такого оптимизма был разворачивающийся в США электронный бум, который открыл возможности самого быстрого в истории преобразования знания в капитал: эталоном здесь выступала компьютерная программа, которая становилась капиталом в момент написания. Другой характерной чертой электронного сектора было преобладание в расходах высококвалифицированного труда, выплаты в пользу которого дополнительно взвинчивались дефицитом программистских кадров. В силу этих обстоятельств в электронном секторе складывалась ситуация, когда затраты работников на ранее полученное образование предельно быстро окупались, что воспринималось как яркое подтверждение теории человеческого капитала, согласно которой инвестиции в образование являются фактически беспроигрышными (Becker 1993).

В результате в США 1990-х электронный сектор сосредоточил на себе общие надежды на интенсивное развитие экономики. Республиканская и Демократическая партии буквально соревновались, кто сможет обеспечить новому сектору лучшие условия, и выработанные в этот период решения стали играть роль модели не только для политики в отношении самого электронного сектора, но и для экономической политики в целом (Gerstle 2022).

Заметное влияние электронный бум оказал также на научное сообщество. В принципе, именно он составил основу для тех изменений в университетах, которые ряд исследователей характеризуют как «академический капитализм» (Slaughter, Rhoades 2009). Новый электронный сектор был тесно связан с университетскими компьютерными факультетами, ведущими соответствующую исследовательскую работу – в разработке компьютерной техники провести границу между научными исследованиями и прикладными разработками было предельно сложным, а зависимость от кадров заставляла электронные компании предельно тесно сотрудничать в том числе и со студентами ведущих факультетов компьютерного профиля. Таким образом, эта часть университетского сообщества оказалась непосредственно связана со стремительно растущим сектором экономики, что прямо отразилось на её благополучии – доходы компьютерных специалистов заметно превысили доходы их университетских коллег из других специальностей, – и на её «весе» внутри университета. Учитывая, что уже с 1970-х гг. университеты находились под постоянным давлением со стороны политиков, требовавших продемонстрировать экономическую отдачу от субсидирования их деятельности, взрывной рост электронного сектора был быстро принят, во-первых, как подтверждение оправданности финансовой поддержки, а во-вторых, как образец для всех других факультетов и дисциплин. Собственно, «академический капитализм» и заключается в наложении на университет модели быстрого извлечения прибыли из его работы, основанной на опыте электронного блока.

Все эти изменения, связанные с электронным бумом, прямо сказались на ОЭСР, в том числе на её внутренней организации. Долгое время внутри ОЭСР сохранялось напряжение между Экономическим департаментом и Управлением науки, технологий и промышленности, связанное с нежеланием первого включать показатели научно-технической деятельности в свои разработки экономической политики. Эта позиция наиболее влиятельного в ОЭСР подразделения, вероятно, была связана в том числе и со стремлением сохранить своё исключительное положение (Schmelzer 2016), но явной содержательной проблемой была невозможность включить показатели исследований и разработок, продвигаемые научным управлением, в математические функции, используемые в разработке экономической политики. И эту ситуацию переломило появление новой теории роста, которая предлагала рассматривать вложения в науку и образование как прямые инвестиции в капитал, и, соответственно, подразумевала их учёт в ориентированных на практическое применение моделях экономической политики.

С целью проработать эту связку между технологическим развитием и экономическим ростом, которая могла служить основой нового подхода к экономической политике, ОЭСР была инициирована исследовательская программа «Технологии и экономика»². Стоит отметить, что сами участники программы оценивали её результаты как скромные. Один из ведущих мировых экспертов по национальным инновационным системам Р. Нельсон отозвался следующим образом: «Попытки правительств влиять на темпы роста, скорее всего, останутся слабо обоснованными, пока не удастся лучше понять связи между переменными. И, на самом деле, на меня произвело сильное впечатление, насколько слабо обоснована большая часть предписаний, нацеленных на ускорение роста» (Godin 2004: 683).

Тем не менее связь между научно-техническим развитием и экономическим ростом была положена в основу новой линии, продвигаемой ОЭСР в области научно-технической политики. Отражением этого видения стала концепция экономики знаний. Представления о ведущей роли производства знания в развитии экономики присутствовали в научном обороте, по крайней мере, с 1960-х гг. (Godin 2006), однако в современном виде концепция экономики знаний сложилась именно под влиянием образца американской ситуации 1990-х гг., в которой рост в значительной мере обеспечивался электронным сектором. Специфика этого образца заключается в низких капитальных затратах, зависимости от высококвалифицированных кадров и способности получать быструю отдачу от исследований и разработок, в силу чего электронный сектор оказывается конечным выгодоприобретателем применительно к значительной части государственного субсидирования науки и образования. Естественно,

² OECD, 1992. Technology and the Economy: The Key Relationships. OECD, Paris.

и электронные компании, и университетский сектор прямо заинтересованы в росте этой категории государственных инвестиций, и совместно образуют мощное лобби. Экономика знаний же превращала опыт этого альянса в модель, предназначенную для использования в широком спектре экономических отраслей. И ОЭСР сыграла ведущую роль в универсализации этой модели.

Экономика знаний в документах ОЭСР

Первый документ ОЭСР, посвящённый непосредственно экономике знаний, – доклад «Следствия экономики, основанной на знании, для планирования политик в области науки и технологий», опубликованный в 1995 г. В качестве теоретического фундамента в докладе упоминается новая теория роста, среди авторов которой указаны экономисты П. Ромер, Дж. Гроссман и др. В том, как эта теория характеризуется в докладе, просматриваются откровенно утопические черты: в качестве её основы заявляется «возможность добродетельного круга, в котором инвестиции стимулируют знания, а знания стимулируют инвестиции»³. К инвестициям, которые способны породить подобный эффект, относятся вложения в человеческий капитал и исследования и разработки, но важным условием их эффективности выступает «обеспечение доступа к международным знаниям и рынкам»⁴. Здесь может показаться неожиданным объединение доступа к «знанию» и «доступа» к рынкам – вопросы, которые, на первый взгляд, относятся к разным сферам, условно говоря, научной и торговой политики. Но всё становится на свои места, если принять во внимание, что новая теория роста опирается главным образом на опыт электронной отрасли, для которой рыночная реализация знания – это главный способ извлекать прибыль.

То, что экономика знаний подразумевает, в первую очередь электронную отрасль, прямо подтверждается в первом выпуске серии «Перспективы науки, технологий и промышленности», опубликованном в 1996 г. В разделе, специально посвящённом «экономике, основанной на знании», в качестве предпосылки появления этого нового вида экономического устройства позиционируется «информационное общество» – «общество, в котором большинство работников в скором времени будут производить, обрабатывать и распространять информацию или закодированное знание»⁵. Помимо электронной отрасли, важнейшим актором формирования этого общества выступает научно-образовательный сектор, играющий главную роль в создании знания, которое затем может быть превращено в товар, пригодный для электронного распространения. И из харак-

³ The Implications of the Knowledge-Based Economy for Future Science and Technology Policies. 1995. OECD. Paris: OECD. P. 3.

⁴ Ibid. P. 5.

⁵ Science, Technology and Industry Outlook 1996. 1996. OECD. Paris: OECD. P. 232.

теристики, данной науке и образованию в докладе, следует, что в партнёрстве с электронной отраслью им предстоит играть роль ведомого. Образование должно измениться с учётом того, что «компьютерная грамотность и доступ к сетевому оборудованию становятся более важными, чем грамотность в традиционном смысле»⁶. А «формальное образование» должно уступить место «обучению через действие» (learning by doing)⁷. Вместе эти меры явно указывают на необходимость образования сделать приоритетом выпуск готовых к работе в новых условиях компьютерных специалистов, в которых остро нуждается электронный сектор – как сказано в докладе: «Чем быстрее идёт внедрение знание-ёмких средств производства, как те, которые основаны на информационных технологиях, тем больше спрос на высококвалифицированных работников»⁸.

В схожем направлении предлагается пересмотреть и научно-исследовательские приоритеты: исследовательским организациям, в том числе работающим за счёт государственных средств, необходимо «изменить или отказаться от представления о науке как общественном благе» и сделать своей целью «расширение разнообразия практически полезного знания, которое со временем может быть коммерциализировано»⁹.

Круг отраслей, в которых, по мнению экспертов ОЭСР, было бы возможным распространение образца американского электронного сектора, работающего в связке с университетами, очерчен в следующем выпуске «Перспектив науки, технологий и промышленности»¹⁰: это «науки о здоровье и жизни», «технологии создания материалов», «экологические и энергетические технологии». Помимо них, выпуск содержал специальный раздел, посвящённый способности экономики знаний «оживить» такие «зрелые» отрасли промышленности как сталелитейная, строительная, текстильная и др.

Выпуск 2000 г. открывался разделом «Продвижение к экономике знаний». Кто являются главными выгодоприобретателями этого продвижения, становится ясным из предлагаемой в выпуске структуры расходов. В качестве двигателя новой экономики обозначены нематериальные активы, инвестиции же в них разбиты на три категории – ИР, образование и программирование. Характерны два момента: основная часть расходов приходится на образование, но главная затратная статья электронных компаний выделена в качестве отдельного направления поддержки. Таким образом, основным выгодоприобретателем продвижения экономики знаний выступает альянс высшего образования и электронного сектора, причём доклад не делает секрета из главных движущих мотивов этого альянса: «Ведущие исследовательские университеты ищут

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* P. 235.

⁹ *Ibid.* P. 238.

¹⁰ Science, Technology and Industry Outlook 1998. 1998. *OECD*. Paris: OECD.

стратегических союзов с фирмами с целью укрепить своё положение в сетях, осуществляющих инновации, и обосноваться в качестве участника рыночного оборота знаний. Главным же преимуществом для фирм чаще всего выступает расширение доступности человеческих ресурсов, прошедших качественную подготовку. Другие преимущества включают доступ к научному знанию, устойчивым сетям и потенциалу решения задач»¹¹.

Следующий выпуск был подготовлен в 2002 г. уже после биржевого обрушения электронного сектора, спровоцировавшего общий финансовый кризис. Однако позиция авторов доклада по перспективам сектора была отражена уже в заголовке соответствующего раздела – «Усиление экономики знаний»¹², и вопреки распространившимся сомнениям в способности электронной отрасли играть роль надёжного локомотива экономики, ОЭСР в ответ на кризис предлагало лишь усилить меры, предлагаемые для развития экономики знаний ранее.

Выпуск 2004 г. в самом начале раскрывает международную конструкцию, лежащую за этим видом экономического устройства: «Продолжающийся переход к экономике, в большей степени основанной на знании, будучи совмещённым с ростом конкуренции со странами, не входящими в ОЭСР, увеличил зависимость стран ОЭСР от создания, распространения и эксплуатации научного и технологического знания, а также других интеллектуальных активов как способа увеличить рост и производительность. На долю высокотехнологичных индустрий приходится продолжающие расти часть стоимости, произведённой ОЭСР в целом, и часть международной торговли, и можно ожидать, что эти индустрии сыграют важную роль в экономическом восстановлении»¹³. По сути, признаётся, что экономически страны ОЭСР остро зависят от сектора, который спровоцировал кризис и, таким образом, экономика знаний превращается из модели, задающей цели развития, в фактическое состояние дел: интеллектуальные активы – главное конкурентное преимущество стран ОЭСР в конкуренции с остальным миром, и от ставки на «высокотехнологичные индустрии» нельзя отказаться, даже если этот сектор провоцирует финансовую нестабильность.

Глобальная перспектива на экономику знаний раскрывается в «Перспективах» 2006 г.: «Фирмы всё чаще открывают заграничные центры ИР с тем, чтобы получить доступ к местным источникам знания и пулам профессионального опыта, которые могут эксплуатироваться в глобальном масштабе. Последние опросы указывают на то, что выбор мест для работы в большей степени определяется качеством и доступностью квалифицированных человеческих ресурсов, чем уровнем затрат»¹⁴. Подобное поведение фирм говорит о том, что для

¹¹ Science, Technology and Industry Outlook 2000. 2000. *OECD*. Paris: OECD. P. 17.

¹² Science, Technology and Industry Outlook 2002. 2002. *OECD*. Paris: OECD. P. 23-52.

¹³ Science, Technology and Industry Outlook 2004. 2004. *OECD*. Paris: OECD. P. 11.

¹⁴ Science, Technology and Industry Outlook 2006. 2006. *OECD*. Paris: OECD. P. 15.

сохранения преимущественного положения собственной «экономики знаний» странам ОЭСР уже недостаточно своих, в том числе человеческих, ресурсов и необходима эксплуатация зарубежных. Из этого логично следует, что способность стран, потенциал которых эксплуатируется таким образом, выстроить собственные экономики, основанные на знаниях, окажется ограничена.

Все эти моменты указывают, что ко второй половине 2000-х гг. становится ясным, что экономика знаний – это не самостоятельная модель развития, а результат разделения труда, основанного на системе регулирования, которая относит значительную часть глобальной произведённой продукции на счёт нематериальных активов и позволяет концентрировать эти активы в определенных странах и определённых экономических отраслях (O'Donnovan 2022). И открытые упоминания этой модели начинают идти на спад: в «Перспективах науки, технологий и промышленности» 2008 г. экономика знаний уже встречается только в описании политик отдельных стран, которые ещё пользуются этим термином¹⁵. В общей же части, написанной от лица самой ОЭСР, он уже не встречается.

Этот выпуск был издан в октябре 2008 г. Соответственно, он готовился до начала финансового кризиса и отражает докризисный и вполне ещё оптимистичный взгляд, исходящий из намерений расширить охват существующей экономической модели. Характерно, что главная рекомендация, адресованная странам ОЭСР, – разработать меры, которые позволили бы расширить государственную поддержку по линии инноваций, включив в это понятие «организационные и нетехнологические инновации» и распространив её на «ресурсные и традиционные секторы», а также «услуги»¹⁶. Настоятельная же рекомендация, адресованная всем странам, в том, что они «должны сформировать базу для осуществления исследований и инноваций с целью привлечь иностранные инвестиции в ИР и инновации и способствовать участию в глобальных цепочках формирования стоимости»¹⁷. Картина складывается следующая: с одной стороны, максимальное расширение оборота интеллектуальных активов, в который необходимо вовлечь как можно больше предприятий, с другой – усиление возможностей производства таких активов, которые становятся целью «иностранных инвестиций», проще говоря, выкупаются зарубежными фирмами. Таким образом, с одной стороны, наращивается производство активов, с другой – возможности их реализации.

Реакцию же на кризис 2008 г. можно найти в выпуске 2010 г.: «После финансового кризиса наука, технологии и инновации станут важным вкладом в возобновляемое и долгосрочное восстановление»¹⁸. Общая идея – финансо-

¹⁵ Science, Technology and Industry Outlook 2008. 2008. OECD. Paris: OECD.

¹⁶ *Ibid.* P. 14.

¹⁷ *Ibid.* P. 13.

¹⁸ Science, Technology and Industry Outlook 2010. 2010. OECD. Paris: OECD. P. 9.

вые вливания в «знание-ёмкие индустрии» смогут обеспечить возвращение к экономическому росту. Роль этих индустрий в возникновении кризиса никак не упоминается и не оценивается.

В 2012 г. авторы «Перспектив» констатируют, что, во-первых, финансовый кризис перерос в экономический, а, во-вторых, инновации не только не демонстрируют способность стать локомотивом роста, но оказались среди наиболее сильно сократившихся видов экономической деятельности¹⁹. В целом же, в докладе просматривается линия на более избирательную поддержку экономических отраслей.

В выпуске 2014 г. в качестве приоритетного кластера на первый план выходит цифровая экономика. Как сказано в посвящённом ей разделе доклада, «экосистема цифровой экономики состоит, в первую очередь, из инфраструктуры высокоскоростных соединений, цифрового контента и новых методов умного применения (smart applications)»²⁰. Данное определение недвусмысленно указывает на электронную отрасль, которая к 2014 г. уже в значительной степени контролируется пятёркой Big tech: Google, Amazon, Facebook, Apple и Microsoft. Из молодого динамичного сектора сложилась полноценная олигополия, которая, в первую очередь, заинтересована в сохранении своего преимущественного положения (Данилин 2020). И можно заметить, что к этому моменту экономика знаний также завершает цикл: от попытки распространить модель электронной отрасли на всю экономику, включая традиционные секторы, она возвращается к изначальному образцу, который теперь сам позиционируется как главная экономическая сила.

Выпуск 2016 г. нацелен на фокусировку научно-технической и инновационной политики на «мегатрендах», с одной стороны, и на «технологических трендах будущего», с другой. Выделенные «мегатренды» – демографическая динамика, сокращение запасов природных ресурсов, изменение климата и др. – подразумевают значительное расширение государственного регулирования, которое, в свою очередь, требует большего участия научных экспертов, поэтому не случайно, что университетское сообщество стран ОЭСР активно поддерживает усиление регулирования на этих направлениях. В технологических же трендах явно преобладают темы, в продвижении которых заинтересован электронный сектор. Все десять выделенных направлений явно относятся к его ведению, а в четырёх из них – интернет вещей, анализ больших данных, искусственный интеллект и блокчейн – он играет фактически исключительную роль²¹.

Центральное место в «Перспективах» 2018 г. занимает цифровая экономика. И речь здесь идёт уже не о поддержке цифровой экономики по линии научно-технической политики, а о перестройке политики под эгидой цифровой

¹⁹ Science, Technology and Industry Outlook 2012. 2012. *OECD*. Paris: OECD.

²⁰ Science, Technology and Industry Outlook 2014. 2014. *OECD*. Paris: OECD. P. 218.

²¹ Science, Technology and Innovation Outlook 2016. 2016. *OECD*. Paris: OECD.

экономики. Правительствам предлагается «воспользоваться преимуществами от внедрения цифровых технологий в проектирование, осуществление и мониторинг научно-технической и инновационной политики»²². В качестве таких преимуществ названы доступ к большим данным, единые стандарты взаимодействия систем и технологии обработки естественной речи – всё это без исключений объекты интеллектуальной собственности ведущих электронных компаний. И утверждается, что «эти инструменты могут трансформировать доказательную базу научно-технической и инновационной политики, и помогут продемонстрировать отношения между расходами на науку и инновации и результатами в реальном мире»²³. Здесь прямо предлагается полная перестройка научно-технической политики на базе технологий, принадлежащих электронным компаниям.

Выпуск 2021 г., вышедший на фоне пандемии COVID-19, продвигал точку зрения, что «кризис ускорил тренды, уже развивавшиеся в науке, технологиях и инновациях», а именно: «расширил использование цифровых инструментов», «усилил международное сотрудничество», «простимулировал частно-государственные партнёрства»²⁴. И главное, по оценке авторов доклада, «пандемия создала импульс для учреждения эффективных и устойчивых глобальных механизмов, нацеленных на поддержку спектра ИР, необходимого для преодоления широкого ряда глобальных вызовов»²⁵. Реакция на пандемию расценивается как образец действия таких механизмов: «В разработке вакцин против COVID-19 положительную роль сыграли меры готовности, которые начали создаваться заранее, в том числе гибкие технологические платформы, которые могут применяться по мере появления новых патогенов. Пандемия придала импульс формированию эффективных и устойчивых глобальных механизмов, нацеленных на поддержку спектра и объёма ИР, необходимых для преодоления более широкого ряда глобальных вызовов»²⁶. В этом заявлении просматриваются все основные группы, в наибольшей степени увеличившие своё влияние за период объявленной пандемии – электронные компании (создатели «технологических платформ»), западные, в первую очередь американские, научные институты (отвечающие за «необходимый спектр и объём ИР») и международные организации («эффективные и устойчивые глобальные механизмы»). Подобная постановка вопроса является яркой иллюстрацией работы «эпистемического сообщества», продвигающего определённую картину мира, в которой сходятся интересы его участников.

²² Science, Technology and Innovation Outlook 2018. 2018. *OECD*. Paris: OECD. P. 22.

²³ *Ibid.*

²⁴ Science, Technology and Innovation Outlook 2021. 2021. *OECD*. Paris: OECD. P. 13.

²⁵ *Ibid.* P. 14.

²⁶ *Ibid.*

В последнем выпуске, вышедшем в 2023 г., достаточно отчётливо прочерчиваются политические амбиции блока, сложившегося на почве экономики знаний. Пандемия COVID-19 рассматривается здесь как образец реагирования на глобальные кризисы, из которого делается далеко идущий вывод: «Должная подготовка требует долгосрочных инвестиций в исследования и разработки, навыки и инфраструктуру, но самого по себе этого недостаточно. Подготовка также требует того, чтобы между теми, кому необходимо будет быстро мобилизоваться для разрешения кризисных ситуаций, уже в "нормальное время" сложились прочные отношения, а также значительного потенциала "стратегического интеллекта", необходимого, чтобы определять, наблюдать и оценивать новые риски и ответы на них»²⁷. По опыту пандемии COVID-19, «стратегический интеллект», стоявший за политикой локдаунов, обеспечивался корпоративным сектором – в первую очередь его фармацевтическим и электронным сегментами, которые одновременно были главными экономическими бенефициарами этой политики, – правительственными медицинскими ведомствами, входящими в глобальную сеть Всемирной организации здравоохранения, а также научным сообществом, в котором главную роль играли наиболее тесно связанные с корпорациями и медицинскими ведомствами специалисты. По мнению авторов доклада, этот конгломерат успешно справился с пандемией и его опыт следует распространить на другие области, в частности на «чрезвычайную ситуацию с климатом».

Таким образом, путь, который экономика знаний проделала в ОЭСР, можно охарактеризовать как циклический. Начав с продвижения опыта электронного сектора как образца для развития экономики в целом, его сторонники в дальнейшем перешли к обоснованию его действенности в конкретных экономических отраслях – биотехнологиях, нанотехнологиях и некоторых других. Часть из них оказалась в целом успешными – в первую очередь, биотехнологии, хотя следует принимать во внимание мнение, согласно которому их успех был сильно преувеличен в экономической публицистике (Mirowski 2011), что привело к образованию биржевого пузыря²⁸. Другие, как нанотехнологии, сейчас вызывают ещё больший скепсис. На доверии к модели также отрицательно сказался кризис 2008 г., прямо связанный с распространением «финансовых инноваций» – термин, который по итогам превратился в «подобие ругательства» (Haskel, Westlake 2018). И в 2010-х гг. экономика знаний фактически вытесняется в документах научного управления ОЭСР цифровой экономикой. Иначе говоря, образец, который позиционировался как пригодный для универсального использования, оказался в значительной степени уникальным. И речь теперь идёт не столько о распространении его опыта на другие отрасли, сколько об использовании именно его преимуществ.

²⁷ Science, Technology and Innovation Outlook 2023. 2023. OECD. Paris: OECD. P. 12.

²⁸ After a Covid-Fuelled Adrenaline Rush, Biotech is Crashing. *Economist*. URL: <https://www.economist.com/business/2022/08/10/after-a-covid-fuelled-adrenaline-rush-biotech-is-crashing> (accessed 20.11.2025)

Об авторах:

Владимир Иванович Коннов – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России, 119454 Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Дарья Александровна Талагаева – кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России, 119454 Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: d.talagaeva@mail.ru

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №18-78-10123.

UDC 327:330.34:061.1ОЭСР"1990/2020"

Received: October 25, 2023

Accepted: January 15, 2024

The Formation of the “Knowledge Economy” Concept in OECD Documents (1990–2020)

V.I. Konnov¹, D.A. Talagaeva¹
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-olf1](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-olf1)

¹ MGIMO University

Abstract: The article explores the genesis and evolution of the knowledge economy concept as a prime example of the scholarly community’s involvement in international policy-making through organizations that combine scientific authority with political influence, such as the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Since its inception, the OECD has evolved into a global intellectual hub producing influential analytical documents that shape national economic policies across both member and non-member states.

This study traces the development of the knowledge economy within the OECD framework using a dual analytical lens that integrates intellectual history and international political economy (IPE), with a particular emphasis on the neo-Gramscian school of IPE. The neo-Gramscian perspective highlights the role of the knowledge economy in structuring power relations and advancing the interests of dominant political and economic coalitions. Conversely, the intellectual history approach clarifies how the concept contributed to the theoretical and epistemic projects of academic communities engaged in its formulation.

From this standpoint, the evolution of the knowledge economy in OECD discourse — from its emergence in the early 1990s to its transformation in the 2010s — represents a self-contained cycle. Rooted in the new growth theory, the knowledge economy envisioned sustained, innovation-driven, post-industrial growth centered on the expanding electronic and

digital sectors, closely linked to academia. This nexus formed the basis of a “historical bloc” that guided the post-industrial transition of OECD economies and influenced their policy agendas.

During the 2000s, OECD documents increasingly emphasized the diffusion of innovation models derived from the electronic sector — rapidly converting research and development outcomes into commercially viable products — across the broader economy. This focus reflected the growing influence of the historical bloc underpinning the knowledge economy. Yet the practical outcomes of this strategy proved more limited than initially envisioned. By the 2010s, the knowledge economy concept gradually receded from OECD discourse, giving way to the emergence of the digital economy as a new paradigm.

Key words: innovation, knowledge economy, knowledge triangle, intellectual history, international political economy, OECD, neo-Gramscian approach

About the authors:

Vladimir I. Konnov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, A.F. Shishkin Department of Philosophy, MGIMO University, Russia, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 1194547.
E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Daria A. Talagaeva – Candidate of Political Science, Associate Professor, English Department No. 6, MGIMO University, Russia, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 1194547.
E-mail: d.talagageva@mail.ru

Acknowledgements

The study was prepared with support from the Russian Science Foundation, project no. 18-78-10123.

References:

- Becker G. 1993. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education* (3rd ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- Clifton J., Diaz-Fuentes D. 2011. The OECD and Phases in the International Political Economy. *Review of International Political Economy*. №5. P. 552–569.
- Cox R. 2009. The ‘British School’ in the Global Context. *New Political Economy*. Issue 3. P. 315–328.
- Gerstle G. 2022. *The Rise and Fall of the Neoliberal Order*. New York: Oxford University Press.
- Giddens A. 1998. *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity.
- Godin B. 2004. The New Economy: What the Concept Owes to the OECD. *Research Policy*. Vol. 33. P. 679–690
- Godin B. 2006. The Knowledge-Based Economy: Conceptual Framework or Buzzword? *Journal of Technology Transfer*. Vol. 31. P. 17–30.
- Haas P. 2016. *Epistemic Communities, Constructivism, and International Environmental Politics*. New York: Routledge.
- Haskel J., Westlake S. 2018. *Capitalism without Capital. The Rise of the Intangible Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- Maddison A. 2007. *Contours of the World Economy 1–2030: Essays in Macro-Economic History*. Oxford: Oxford University Press.

- McNally M. 2017. The Neo-Gramscians in the Study of International Relations: An Appraisal. *Materialismo Storico*. №2. P. 12–32.
- Mirowski P. 2011. *The Science-Mart: Privatizing American Science*. Cambridge: Harvard University Press.
- Münch R. 2014. *Academic Capitalism: Universities in the Global Struggle for Excellence*. New York: Routledge.
- Oatley T. 2018. *International Political Economy*. 6th Edition. London: Routledge.
- O'Donovan N. 2022. *Pursuing the Knowledge Economy*. Newcastle: Agenda Publishing.
- Pass J. 2018. Gramsci Meets Emergentist Materialism: Towards a Neo Neo-Gramscian Perspective on World Order. *Review of International Studies*. №4. 595–618.
- Pass J. 2019. *American Hegemony in the 21st Century: A Neo Neo-Gramscian Perspective*. New York: Routledge.
- Romer P. 1990. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*. №5. Part 2. P. S71-S102.
- Schmelzer M. 2014. A Club of the Rich to Help the Poor? The OECD, 'Development', and the Hegemony of Donor Countries. Frey M., Kunkel S., Unger C. (eds.) *International Organizations and Development, 1945 to 1990*. Basingstoke: Palgrave. P. 171–195.
- Schmelzer M. 2016. *The Hegemony of Growth. The OECD and the Making of the Economic Growth Paradigm*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Skinner Q. 2002. *Visions of Politics. Volume 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Slaughter S., Rhoades L. 2009. *Academic Capitalism and the New Economy*. Baltimore: The John Hopkins University Press.
- Solow R. 1957. Technical Change and the Aggregate Production Function. *Review of Economics and Statistics*. №3. P. 312–20.
- Afontsev S.A. 2010. *Politicheskie rynki i ekonomicheskaja politika* [Political Markets and Economic Policy]. Moscow: KomKniga. (In Russian)
- Danilin I.V. 2020. Innovative Transformation of Superplatforms: Trends and Influence on National Innovation Systems. *Mezhdunarodnye protsessy*. 4(63). P. 127–142. (In Russian) DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.2
- Zhornist V. M., Nesmashnyi A. D., Kharkevich M. V., Safranchuk I. A. 2022. Differentsiatsiya gosudarstv po klmaticheskoi ambitsioznosti: vliyanie ya mirovuyu politiku [State Differentiation by Climate Ambition: Implications for World Politics]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. 17(1). P. 163–182. (In Russian). DOI: 10/17323/1896-7845-2022-01-08
- Kembridzhskaja shkola: teoriia i praktika intellektual'noi istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. 2018. Sostaviteli: Atnashev T., Velizhev M. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Talagaeva D. A. 2017. Evropeiskoe nauchnoe soobshchestvo kak politicheskii aktor: istoriya formirovaniya i institutsional'nye opory [European Academic Community as a Political Actor: Historical Evolution and Institutional Foundations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 15(2). P. 133–149. (In Russian).
- Talagaeva D.A. 2018. Evropeiskoe issledovatel'skoe prostranstvo v deistvii: programma "Gorizont 2020" [European Research Area in Action: Horizon 2020]. *Polis*. №1. P. 175–183. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2018.01.12

Список литературы на русском языке

Афонцев С.А. 2010. *Политические рынки и экономическая политика*. Москва: КомКнига.

Данилин И.В. 2020. Инновационная трансформация суперплатформ: тренды и влияние на национальные инновационные системы. *Международные процессы*. 4(63). С. 127–142. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.2

Жорнист В.М., Несмашный А.Д., Харкевич М.В., Сафранчук И.А. 2022. Дифференциация государств по климатической амбициозности: влияние на мировую политику. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 17(1). С. 163–182. DOI: 10.17323/1896-7845-2022-01-08

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. 2018. Составители: Атнашев Т., Велижев М. Москва: Новое литературное обозрение.

Талагаева Д.А. 2017. Европейское научное сообщество как политический субъект: история формирования и институциональные опоры. *Международные процессы*. 15(2). С. 133–149. DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.9

Талагаева Д.А. 2018. Европейское исследовательское пространство в действии: программа "Горизонт 2020". *Полис. Политические исследования*. №1. С. 175–183. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.12